

СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ КАЗАХОВ

4.1. Семейный и общественный статус казахских женщин

Тема положения женщины в обществе — одна из основных, к которой обращались наблюдатели-европейцы, желая оценить уровень «цивилизованности» описываемого ими народа. Статус женщины в кочевом обществе оценивался авторами XIX — начала XX века неоднозначно. С одной стороны, они отмечали бесправие и «жалкую участь» женщины, продаваемой своей родной семьей в чужой род за калым, а после брака становящейся полностью зависящей от воли супруга, который распоряжался не только ее имуществом, но и жизнью¹; также они осуждали бесправие вдов и практику насильственных браков (Броневский 1830: 211; Михайлов 1900: 19; Добросмыслов 1904: 56–57). В то же время эти же авторы писали о значительной свободе женщины в обществе кочевников по сравнению с женщиной нормативной исламской культуры, где полностью господствовало шариатное право.

Г.М. Броневский писал по этому поводу: «Женщины (кочевников. — И.С.) не заключены в гаремы, как у других неистовых Магоме-

---

¹ Наказание за убийство жены — имущественный штраф, *кун*. За убитую женщину он был равен половине «куна», за убитого мужчину — 500 баранов, или 50 лошадей, или 25 верблюдов. Если за убийство жены муж нес имущественную ответственность перед ее родственниками, то за убийство мужа женой последней полагалась смертная казнь (Баллюзек 1871: 132; Рязанов, рук. № 72, л. 18) или выплата полного «куна». Но при этом за нанесение обиды женщине посторонним мужчиной «взыскивалось не меньше, а скорее больше, чем за обиду мужчины» (Гродеков 1889а: 95).

тан...» (Броневский 1830: 211). Ф.А. Михайлов вслед за Х. Кустанаевым отмечал, что казахские женщины «никогда не закрывают лица от мужчин, свободно разъезжают по степи и принимают участие в празднествах» (Михайлов 1900: 19).

Тем не менее большинство европейцев судили о месте и роли женщины в обществе на основе оценки ее экономического и юридического статуса. Поэтому исследователи, занимающиеся изучением быта кочевников, в первую очередь обращали внимание на внешние видимые проявления экономической и юридической зависимости женщины, на отличные от европейских нормы этикета и семейного быта. Это было неизбежно, так как сама наука, последователями которой являлись путешественники и исследователи XIX века, развивалась на основе европейско-христианской культуры. Кроме того, большинство описаний положения женщины в традиционном обществе кочевников оставлены мужчинами-европейцами. Кажущееся отсутствие элементарных экономических и юридических прав заставляло некоторых исследователей писать о полном бесправии и подчиненном положении женщины в кочевом обществе.

На самом деле казахские женщины по сравнению с женщинами оседлого городского населения Центральной Азии обладали значительной свободой. Они, как было сказано выше, в повседневной жизни не закрывали лицо, не находились в затворничестве, узаконенном нормами шариата, и юридически не были лишены права общения с членами других семей без разрешения мужа². Эти положения были закреплены адатом. Как при жизни, так и после смерти своих мужей женщины могли управлять целыми селениями³ и вести отдельное самостоятельное хозяйство, по крайней мере, до момента совершенно-

---

² У некоторых представителей высших сословий, более просвещенных в нормах «классического» ислама, чем рядовые кочевники, под влиянием шариата появилось затворничество женщин (Бабаджанов 1861). Тем не менее эту практику скорее можно отнести к исключениям, нежели к общераспространенным правилам даже среди ханов и султанов. Казахских девушек пугали возможным браком с сартом. Вот что по этому поводу писал И. Аничков: «Жизнь сартянки (оседлой) внушает всякой киргизской (казахской). — И.С.) женщине отвращение, зная, что ее запрут, оденут в чадру, не будут выпускать из четырех стен...» (Аничков 1899: 9).

³ Селение могло состоять из 3–4 семей (внуков или сыновей одного лица или отца с женатыми сыновьями), ведущих самостоятельное хозяйство (Букейхан 1927: 64; Толыбеков 1971: 512). Несколько таких селений, как правило, составляли семейно-родственную группу.

летия своих сыновей⁴. Видимое отсутствие влияния норм шариата на положение женщины в повседневно-бытовой жизни, а также повышенное значение и жизнестойкость положений адата в этой сфере объясняются традиционным укладом жизни кочевника и экономическим значением женщины в кочевом хозяйстве.

Авторы работ XIX — начала XX века неоднократно отмечали большое значение женщины в бытовой сфере. В случае смерти жены мужчина был экономически заинтересован в том, чтобы как можно скорее восполнить отсутствие в доме женщины, на которой держалось все домашнее хозяйство. Он не соблюдал траур по своей умершей жене, а стремился вновь жениться⁵ (иногда по обычаю сорората).

Как мы уже определили, положение женщины в семье мужа во многом зависело от ее происхождения и личных качеств, хотя влияние жены на мужа в решении вопросов воспитания детей, управления хозяйством, как правило, носило скрытый характер и никогда не афишировалось. Непослушание жены, противостояние воле мужа расценивалось, по традиционным представлениям казахов, как порок. Но если женщина была умна и имела определенное влияние на мужа, то она становилась его помощницей и советчицей при решении многих семейных дел. Такая женщина имела авторитет среди родни мужа. В случае смерти супруга она имела некоторую свободу в выборе нового мужа, и, естественно, к ее мнению прислушивались родственники покойного.

Вот что пишут по этому поводу российские чиновники в своих отчетах в канцелярию степного генерал-губернатора: «Чем больше имеет жена влияния над мужем, тем больше ее свобода, то есть самостоя-

---

⁴ Яркий пример такой женщины-правительницы приводит К.К. фон-Шульц, побывавший в конце XIX века в Северном Приарале и встретивший там казашку по имени Кундей (35), которая фактически управляла казахами Куланды (около 2000 чел.), была по своему образованной, держала великолепный табун белых лошадей; мужем ее был дряхлый старик (Записки РГО по общей географии. 1882. Т. XII. № 3. С. 32–33) (прим. ред. — С.А.).

⁵ Причем, с вдовца калым за девицу брали больший, чем с человека, вступающего в брак первый раз (Гродеков 1889а: 77). Объясняли это тем, что человек, похоронивший жену, несчастливый, а возможно, и отвергнутый Богом, и, отдавая за него молодую девушку, ее родственники увеличивали размер калыма (ПМА). Для кочевника считалось унижением, если дочь сватал вдовец. Такой жених назывался «уй-сынык» (Алтынсарин 1870б: 102–103) (*сынық ұй*. — И.С.), что в дословном переводе означало «сломанная кибитка», таким образом, посредством игры слов выражалось понятие разоренности.

тельнее распоряжается... а в оборотном смысле она никакого голоса не имеет и свобода действия (ей. — *И.С.*) не предоставлена, а является (она. — *И.С.*) уже в роли рабы и работницы» (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 64–65). Замужняя женщина, не имея юридически зафиксированных прав собственности, нередко фактически являлась хозяином в семье (Рязанов, рук. № 72, л. 23; Женщина у киргизов... 1901; Ходырев 1912). Такая женщина принимала активное участие в решении всех семейных дел, а на время отсутствия мужа во время длительных сезонных перекочевков была главой семьи. При решении некоторых вопросов, связанных с воспитанием детей и ведением хозяйства, мнение женщины имело преимущество перед мнением мужчин (Подварков 1879: 41–42). Также необходимо отметить, что жены были обычно намного моложе своих мужей и часто становились полноправными хозяйками в семье еще при жизни престарелого мужа.

Даже наблюдатели-европейцы отмечают, что вдовы, имевшие сыновей и самостоятельно управлявшие своим хозяйством, пользовались у кочевников большим почетом и уважением. Если мужчина-кочевник, боясь стать объектом насмешек, никогда не станет выполнять «женскую» работу, то сами женщины часто вынужденно брали на себя мужские обязанности в доме (как, например, в случае самостоятельного ведения хозяйства вдовой), и это не сопровождалось осуждением окружающих, а, наоборот, приветствовалось. «Ибо такая женщина добилась положения в семье мужчины, отказавшись после смерти мужа от нового брака, чтобы не осквернять ложе покойного, что между киргизами (казахами. — *И.С.*) пользуется большим уважением» (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 246). Если сравнение мужчины с женщиной означало для него позор, то для женщины в традиционном обществе кочевников приравнение ее статуса к статусу мужчины рассматривалось как повышение ее социального положения и признание (или, по крайней мере, возможность признания) ее равенства с мужчиной и, следовательно, инкорпорированности женщины в «мужской мир». В этом случае внутрисемейный статус женщины как матери-вдовы повышался до социально значимого в рамках всего рода, что позволяло ей стать главой всей семейно-родственной группы или даже рода своего покойного супруга.

Однако если женщина и получала право управления семейно-родственной группой мужа, то только после его смерти. Если муж был состоятельным человеком, правителем рода, то он еще при жизни наделял каждую жену, способную к управлению, отдельным аулом или несколькими селениями. Жена, номинально управляя аулами, могла

кочевать отдельно от мужа, но фактически вся власть находилась в руках мужа, который в любой момент мог отменить решение жены или аннулировать любую торговую сделку, заключенную женщиной. В менее состоятельных семьях обязанности и права женщины ограничивались рамками отдельного хозяйства.

Женщины, в отличие от мужчин, не имели права приносить призыв в суде и выступали свидетелями только по вопросам, касающимся их самих. Женщин вызывали в суд только при решении дел об оскорблении их мужем, вместо несовершеннолетних детей (при отсутствии мужа или опекуна) или при заявлении со стороны женщины об ее изнасиловании (Гродеков 1889а: 94). Только в этих случаях женщины имели право защищать свои интересы в суде лично. При решении всех остальных судебных дел интересы женщин отстаивали либо их мужья, либо родственники-мужчины.

Если жена у кочевников была принижена и обезличена в правах собственности и не обладала юридической самостоятельностью, то женщина-мать имела намного больше прав, по крайней мере, в отношении своих детей. А неисполнение детьми воли матери, особенно если это вдова, ведущая самостоятельное хозяйство, по традиционным представлениям кочевников, приравнивалось к правонарушениям (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 23, 31). Как уже говорилось, мать-вдова имела право выдавать замуж дочерей, женить сыновей и выделять им по своему усмотрению имущество из наследства отца (в случае, если тот не оставил завещания).

Как только женщина становилась матерью, особенно после рождения сыновей, она приобретала более высокий статус в обществе. Бывали случаи, когда муж, уверенный в том, что одна из его жен уже никогда не станет матерью, отбирал у нее имущество, включая скот, и передавал его той жене, у которой есть дети или ожидается их рождение. А бездетную жену, лишенную даже дома, переселял в юрту к другой своей жене, под ее присмотр (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 58). Мать многих сыновей пользовалась уважением в обществе, особенно если ее сыновья или внуки были известными в народе людьми, например знаменитыми батырами или разумными и справедливыми судьями.

Статус женщины в обществе зависел также и от социального положения в обществе ее мужа и взрослых сыновей. Все это регламентировало отношение к ней окружающих и ее общение с ними, определяя социальное пространство ее жизнедеятельности. Вдовство могло повлечь за собой как резкое снижение, так и существенное повышение

социального статуса женщины. Управлять аулами могли те вдовы, которые после смерти своих мужей наследовали их социальные статусы и начинали выполнять их общественные функции.

Анализ источников показывает, что, с одной стороны, юридический и экономический статус женщины у казахов был достаточно низок, по сравнению со статусом мужчины, но, с другой стороны, фактический социальный статус женщины-матери мог быть весьма высоким — выше, чем положение в обществе некоторых мужчин, особенно если речь идет о вдове, ведущей самостоятельное хозяйство. Хотя статус вдовы-матери имел под собой юридическую основу — вдова наследовала социальный статус мужа, являлась опекуншей своих сыновей и временно управляла их имуществом, женщина пользовалась уважением в обществе прежде всего потому, что выполнила свое предназначение: была верной женой, стала матерью сыновей и достойно их воспитала. Одним словом, следуя традиционным представлениям кочевников, женщина есть в первую очередь мать.

Имущество и дети покойного оставались в роду отца, даже если женщина сохраняла статус вдовы и отказывалась от повторного брака. Возникает вопрос: с чем может быть связано стремление не просто сохранить потомство и имущество умершего в рамках его рода, а непременно выдать вдову замуж и вернуть ей статус замужней женщины? Для того чтобы ответить на него, необходимо отвлечься от экономических причин, по которым вдову оставляли в семье ее покойного мужа, и обратить внимание на представления о естественных этапах жизни женщины в традиционной культуре казахов. Замужество рассматривалось как обязательный и необходимый этап в жизни каждой женщины. Девушка, достигшая определенного возраста, должна обязательно выйти замуж, молодая женщина должна исполнять обязанности жены и матери. Как уже упоминалось, безбрачие и бездетность женщины расценивались как наказание Божие и величайшее горе всей семьи. Отступления от общепринятых брачно-репродуктивных норм — безбрачие, бездетность, раннее вдовство — рассматривались как нарушение традиционного уклада жизни. Молодая женщина, пережившая смерть своего мужа и находящаяся в статусе вдовы, оказывалась в положении маргинала. Смерть супруга нарушала естественный ход событий жизненного цикла женщины, поэтому все действия членов коллектива были направлены на скорейшее исправление этой ситуации. Родственники стремились как можно быстрее выдать молодую вдову замуж. По отношению к пожилой вдове, вышедшей из брачного возраста, или к женщине, которая имеет взрослых детей

мужского пола, обычай был более лоялен. Как уже говорилось, ее статус в обществе достаточно высок. Такой женщине родственники покойного мужа нередко разрешали остаться вдовой или, по крайней мере, не настаивали на повторном браке. Она уже выполнила свое предназначение: родила и воспитала сыновей, которые в состоянии о ней позаботиться, чем и заслужила признание и уважение в коллективе⁶. Ее статус матери-вдовы более высок по сравнению с молодой вдовой, которой еще только предстояло пройти этот путь.

4.2. Сравнение положений адата и шариата по «женскому вопросу»

Как уже упоминалось, повседневно-бытовое положение женщины у кочевых народов было более свободным, чем у оседлых мусульман. В то же время в юридическом отношении казахские женщины, наоборот, оказывались менее защищенными законами, чем женщины нормативной исламской культуры.

Согласно нормам адата, казахские женщины постоянно находились под опекой своего мужа, а в случае его смерти — под опекой его родственников-мужчин. Обычай гласил: «Женщина владеет только собой и за себя одну отвечает» (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 47). Это означало, что в течение всей жизни женщина не имела прав собственности (Маковецкий 1886: 30–31; Малышев 1904: 142–143; Тронов 1891б: 76). До замужества женщина, как и все остальные невыделенные члены семьи, никаких прав на семейное имущество не имела. В случае смерти отца выделяемое дочерям имущество шло на приготовление приданого и находилось в распоряжении опекунов. Калым распределялся между главой семьи и ближайшими родственниками невесты по мужской линии. После замужества все права семейной собственности находились в руках старшего мужчины в семье — мужа, если он был выделенным сыном, в противном случае — его отца.

Собственность супругов признавалась нераздельной. По нормам адата жена совместно с мужем пользовалась имуществом, но не впра-

---

⁶ В традиционном обществе кочевников представление о многодетности семьи связано в первую очередь с рождением сыновей — продолжателей рода.